

Л. Р. Савченко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

РУССКИЕ VS РОССИЯНЕ: метаморфозы коннотативных смыслов

Савченко Л. Р. РУССКИЕ vs РОССИЯНЕ: метаморфозы коннотативных смыслов. У статті досліджено факт різного сприйняття значення російських слів РУССКИЕ/ РОССИЯНЕ російськомовними громадянами України та Росії. Розглядається історичний та семантичний зв'язок слів *Русь, Россия, русские, россияне*, системні мовні характеристики, що впливають на вжиток цих слів; коннотативні смисли, котрі подаються в історичній ретроспективі та дискурсивному розподілі. Розглядаються дискурсивні особливості актуалізації ціннісних смислів.

Ключові слова: значення слова, смисл слова, концепт, культурна конотація, дискурс.

Савченко Л. Р. РУССКИЕ VS РОССИЯНЕ: метаморфозы коннотативных смыслов. В статье осмысливается факт различного восприятия слов *русские* и *россияне* русскоязычными гражданами Украины и России. Рассматривается историческая и концептуальная связь слов *Русь, Россия, русские, россияне*; системные языковые характеристики слов, влияющие на их употребление; коннотативные смыслы, представленные в исторической ретроспективе и дискурсивной распределенности. Особое внимание уделяется дискурсивной актуализации ценностных смыслов.

Ключевые слова: значение слова, смысл слова, концепт, культурная коннотация, дискурс.

Savchenko L. R. RUSSKIEVS ROSSIYANE: metamorphoses of connotative senses makes. The article sense out of the different ways the Russian-speaking citizens of Ukraine and Russia perceive the words *Russkie* and *Rossiyane*, and analyzes the historical and conceptual connection of the words *Rus, Rossiya, Russkie, Rossiyane*; the systemic language characteristics of the words influencing their usage; the connotative senses presented within the historical retrospection and the discursive distribution. Special attention is paid to the discursive actualization of the value senses.

Keywords: meaning of the word, sense of the word, concept, cultural connotation, discourse.

Слова *русские* и *россияне* воспринимаются по-разному жителями России и русскоязычными жителями Украины. Для украинцев слово *россиянин/ россияне* имеет значение «гражданин/ граждане России», т. е. граждане другого государства, поэтому словосочетания типа *российский журналист, российский инженер, российский специалист* кажутся им стилистически нейтральными. Некоторые жители России (в частности, жители Санкт-Петербурга) предпочитают в данном случае слово *русский/русские* (*журналисты, учителя, инженеры*), а слово *российский* в этом контексте кажется им неузואльним: «мы так не говорим». Более того, неоднозначность соотношения значений этих слов находится в «светлом поле сознания» достаточно значительного количества людей, о чем говорят заголовки интернет-публикаций: «Мы — русские или россияне?»; «Русские против россияне»; «Мы русские, а не россияне!»; «Мы не россияне, мы РУССКИЕ!», — об этом поют барды и рэп-исполнители, а в социальных сетях появляются группы с таким же названием: «Не Россиянин, а РУССКИЙ»¹. Здесь же, в «сетях», это противопоставление обнаруживает-

ся в содержании политических манифестов различных российских политических партий.

Перед нами, с одной стороны, — проблема этнической, национально-культурной или гражданской идентификации жителей России, а с другой, — проблема смысла: люди, говорящие на одном языке, устанавливают значения слов в рамках разных дискурсов². Представим семантику слов *русский/ русские // россиянин/ россияне* с учетом этих планов.

В словарном определении слово *русские* обозначает народ и представителей этого народа³. В свою очередь, слово *народ* многозначно⁴ и обозначает, в частности, как население страны, так и нацию, национальность жителей страны. Так что слово *русский* может характеризовать человека и по национальности, и по месту жительства. Слово *российский/ россиянин* актуализирует иной

² Дискурс в данном случае понимается как «особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [2:18].

³ Ср.: РУССКИЕ, -их; мн. Восточнославянский народ, составляющий основное население России; представители этого народа. *И какой же русский не любит быстрой езды? (Гоголь) [1:1135].

⁴ НАРОД 1. Население той или иной страны. <...> 2. Нация, национальность, народность. <...> 3. Основная трудовая масса населения страны. <...> 4. Люди. *Огромная толпа народу. <...> [1: 597].

¹ Материалы подобного рода являются свидетельствами того, как формируются или проявляются стереотипы общественного сознания.

план: *россияне* — жители, граждане России, а *российский* — 'относящийся к России, свойственный ей'. Как видим, эти слова совпадают в значении жители России, а различают их значения '*народ*' в слове *русские* и '*граждане*' в слове *россияне*. В украинском языке все эти планы обозначаются одними и теми же словами — *російський, росіяни*.

По словарным данным, слово *россиянин/россияне* претерпело определенную стилистическую трансформацию — от устаревшего и поэтически-высокого [4–2:224] до стилистически нейтрального [1:224]. Вместе с тем материалы, размещенные в Интернете, показывают, что восприятие этого слова нейтральным так и не стало⁵.

Не исключено, что протест русских против именованья их словом *россиянин* обусловлен отсутствием в этом слове важного коннотативного смысла, который интуитивно ощущается в слове *русские*, но не фиксируется словарями. Этот смысл может быть сформулирован так: «*особое, исключительное в своем роде единство людей*». Чувство единства, безусловно, может испытывать человек любой национальности, имеющий представление об ином народе и иной национальности⁶, а вот представление об исключительной роли своего народа дано не каждому. Эта роль определяется особым мировосприятием, лежащим в основе русской культуры. Не случайно приобщенность к русской культуре, к русскому образу жизни, русскому мироощущению, к православному вероисповеданию считается в русском культурном сообществе достоятельным основанием для самоидентификации человека в качестве *русского*. В национально-патриотической словесности, доминирующей в политическом пространстве современной России, ценностная значимость единства людей, приобщенных к русской культуре и православию, считается доминантным смыслом, который реализуется в идеологеме «*Русского мира*».

В рамках этой идеи происходит особое сближение слов *Русь, Россия, русские, россияне*, тем более что они именуют единый культурно значимый смысл, представленный в словаре Ю. С. Степанова «Константы русской культуры». Такие

⁵ Ср.: «РОССИЯНЕ — слово, начавшее активно употребляться в эпоху правления Б. Н. Ельцина. Обозначает всех граждан России, независимо от их национальности. <...> Россияне — это эвфемизм, который призван скрыть неразрешённые в российском обществе противоречия в области межнациональных и межрелигиозных отношений. <...> Это слово практически всегда употребляется по отношению к Русским людям, составляющим подавляющее большинство населения России. Любой представитель национального меньшинства «россиянином» себя никогда не назовёт, а с другой стороны в угоду толерантности и сохранению межнационального мира и согласия национальную принадлежность такого человека либо обходят стороной, либо честно укажут: татарин, чеченец, тувинец, якут и т.д.» [6]. Как видим, в этом толковании меньшинству в качестве гражданской идентификации навязывается национальная идентификация большинства.

⁶ Ср.: «Оттого, что другой... Русские люди — другие... Они от другой травы, от другой земли, от другого камня...» [Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)]. Здесь и далее используются материалы Национального корпуса русского языка [3].

культурно значимые смыслы определяются как концепты и включают в свой объем: понятия, лежащие в основе значения слов; связанные с ними образы; напластования исторической, культурной и других видов информации, которая влияет на представления людей о мире и о себе. Известно, что концепты органически связаны с определенными ценностями, которые переживаются членами языкового сообщества. Ценностный план таких смыслов может меняться: ослабевать, усиливаться или же претерпевать определенные модификации. Этот меняющийся план и отражают коннотации слов, вовлеченные в смысловой континуум концепта.

Два слова, входящие в объем этого концепта, — *Русь* и *Россия* имеют разную историю, в силу чего они связаны с разными ценностными планами и обладают мощными историко-культурными коннотациями и ассоциациями. Для того чтобы обосновать наличие этих коннотаций и проследить изменения интенсивности их проявлений, представим более детально различия в значениях базовых лексем этого концепта, которые стали мотивирующей базой для остальных.

РУСЬ → РУССКИЕ. Слово *Русь* считается заимствованным, но его источник четко не определен⁷. Исторически складывается многозначность этого слова, в наборе значений которого фиксируются 1) этнографическое: *русь* — племя; 2) социальное: *русь* — сословие; 3) географическое: *Русь* — область и 4) политическое: *Русь* — государственная территория» [6:94]. Субстантивированное прилагательное *русский/русские* является усеченной формой словосочетания *русский человек/русские люди*. В Национальном корпусе русского языка [3] номинации *русские люди* и *русские* фиксируются в почти синонимическом употреблении. Слово *русский* в своем развитии изменило не только значение⁸, но и форму. Исторически первичным является слово в форме *русский*: его первые упоминания связаны с древнерусскими договорами 911 г. и 944 г, ссылки на которые содержатся в Изборнике Святослава 1076 г. Слово *русский* в логике становления его фонетической формы (*русский* → *русский*) появляется после падения редуцированных почти двумя столетиями позже.

С X в. и вплоть до XIV в. слово *Русь* обозначает государственную территорию и не является именем единого народа [7:23]. В Лаврентьевской летописи, сохранившийся список которой относится к XIV веку, слово *Русь* употребляется в значении — 'русская земля' [5:261]. Становление

⁷ Существует огромная научная литература, как историческая, так и лингвистическая, в которой восстанавливается история этого слова. В различных этимологических версиях это слово, за исключением его топонимической интерпретации и связанной с ней славянской версии происхождения, представлено как заимствованное. Диапазон определения источника происхождения достаточно широк — от иранского до скандинавского. См. напр. [7:152–154].

⁸ Ср.: «РУССКИЙ, прил. Относящийся к восточным славянам, также к государственному образованию восточных славян, Руси; в более поздний период — относящийся к России, русский» [5:260].

этнического содержания слова *Русь* завершается к концу XIII — началу XIV вв. Слово *Русь* и его производные начинают означать и национальность, и именовать как жителей древней Руси, так и жителей России (Русии): *русь (русичи, русы), русин/-ы, руса/-ки, русцы, русич/-и, русянин/-е, русский/-и* [5:258–261].

РОССИЯ → РОССИЯНЕ. Первое упоминание имени *Россия*, которое является заимствованием из греческого языка, используемого в патриаршей канцелярии Константинополя, фиксируется в Московской грамоте 1517 года [7:505]. Слово *российский* (*росѣйский, российский, а также росский, росьский, роський*), будучи производным от слова *Россия*, долгое время употребляется как синоним имени прилагательного *русский* [5:218]. Так, в указе Петра I от 1713 г. наряду с именем «*Российская империя*», пришедшем на смену номинации «*Московское царство*», используется и другое имя — *Русская империя*. С введением в 1713 г. официального имени «*Российская империя*» слово *россияне* активно используется более ста лет в разных сферах жизни. Пик употребления слов *российский/ россиянин* фиксируется в Национальном корпусе русского языка в 1818–1820 гг., затем следует спад, который продолжается вплоть до 90-х гг. 20 в.

Общей закономерностью, связанной с активным употреблением этих слов, является установка на государственное строительство западного типа, будь то просвещенная монархия или же республиканская демократия. В современной России слово *россиянин/ россияне*, включающее идею *гражданства (членства в гражданском обществе)*, соотносится с либерально-демократической идеологией, которая в сравнении с предшествующим периодом 90-х гг. занимает периферийную позицию.

РУССКИЕ/ РОССИЯНЕ. Смысл «*гражданин*», входящий в структуру значения слов *россиянин/ россияне*, обнаруживается и в других словах-этнонимах (ср. *украинец, немец, болгарин* и т.п.), а вот смысла «*принадлежащий особому (избранному) единству людей (народу)*», который обнаруживается в слове *русские*, нет ни в одном из подобных слов. Все эти обстоятельства делают употребление слова *русские* неоднозначным: оно претендует и на смысл «*гражданство*», и на смысл «*культурное единство*», и на смысл «*особый мир*», и на смысл «*принадлежность к народу, нации*», и на смысл «*люди*», создавая условия для различных манипуляций в политическом дискурсе. Эти семантические и прагматические нюансы отражаются в системных языковых характеристиках слова.

Так, словосочетание *русские люди* обнаруживает почти уникальную сочетаемость своих составляющих. Дело в том, что прилагательные-этнонимы, как правило, не сочетаются⁹ со словом

люди: в русском обиходе не принято говорить *немецкие люди/ немецкий человек, английские люди/ английский человек или датские люди/ датский человек, но немцы/ немец, англичане/ англичанин, датчане/ датчанин* и т.д. и т.п. Нарушение узусальной сочетаемости прилагательных — этнонимов нейтрализует коннотацию слова *русские*¹⁰.

Типовая сочетаемость имен русских прилагательных со словом *люди* оставляет позицию определения для слов с качественной семантикой: Так, мы говорим о *молодых и старых, злых и добрых, деловых и ленивых, простых и знатных, бедных и богатых, новых людях, обычных людях, своих людях*, наконец. Номинации *русские люди* или же *русские* выявляют некоторые ограничения на сочетание с оценочными словами. Так, например, слово *рядовой* очень редко, но сочетается со словом *россиянин*, а вот слово *русский* избегает такой сочетаемости: выражение **рядовой русский* кажется странным. Эта странность предопределяется наличием коннотации (*особый*), оценочный потенциал которой входит в противоречие с семантикой 'ряда' (*рядовой*). В логике этого отношения получается, что *русский* — это *нерядовой* человек. В свою очередь, *нерядовой* — это и *выдающийся, и необычный, и чрезвычайный, и экстраординарный*. Можно уточнить содержание этой коннотации как «*особенность*», «*исключительность*» русских, с одной стороны, и «*русскость*» как самобытность русского человека, — с другой.

ОСОБЕННОСТЬ/ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ/ РУССКОСТЬ. Известно, что языковые коннотации не имеют формы, они суггестивны, так что экспликация их смыслов всегда может быть оспорена. Эксплицировать содержание «*особенности*» и «*русскости*» как типологического свойства абсолютно всего, что имеет отношение к русскому

нальным является сочетание *российские люди*, единичное употребление которого встретилось в Национальном корпусе.

¹⁰ См. пример такого нарушения писателем А. Кимом, открывающим новую смысловую перспективу слова: «*В своих произведениях я не старался выразить духовную сущность или русского человека, или корейского человека, или какого-нибудь другого "национала", хотя персонажами моих книг бывали и русские люди, и корейские, и немецкие, и американские, и японские, и так далее. Признаюсь, что, рассказывая о человеке, я никогда не ставил главной целью изобразить его национальную или социальную ментальность. Но у любого русского, еврея, корейца или у коммуниста, свидетеля Иеговы — у каждого из нас, кем бы мы ни были, есть в физическом теле и в невидимой душе что-то такое, чего нет ни у кого другого на всем белом свете. Вот это единственное и неповторимое, содержащееся в каждом из живущих на Земле, является причиной и предметом печали — главной печали бытия для всякого человеческого существования. Наверное, когда Бог замыслил сотворение человека, сей печальный компонент уже присутствовал с самого начала — называется это абсолютной уникальностью человеческой личности, которая никогда не повторяется. <...> Я писатель человеческой уникальности. В эстетике меня влечет не яркий символ вечного, а трепетный нюанс мимолетного. Ибо я нашел, что национальность у человечества одна, и она называется — человек. И я стал его национальным писателем.* [А. Ким. «Мое прошлое» // «Октябрь», 1998]. Заметим, что в коллективном бессознательном русских, отраженном в Ассоциативном словаре русского языка, невелика значимость понятия ЛИЧНОСТЬ (См. об этом Н. В. Уфимцева «Археология языкового сознания — первые результаты» [9: 207]).

⁹ Справедливости ради отметим, что в Национальном корпусе русского языка подобные словосочетания все же встречаются, но они носят окказиональный характер. Таким же окказио-

человеку, — задача непростая: содержание этой коннотации мистифицируется, представляя неким таинством, требующим проникновения в глубины души и сердца русского человека, его истории, культуры. Широчайшая сочетаемость слова *русский* со словами абстрактной семантики является тому подтверждением: *русский вопрос, русская душа, русское воззрение, русский характер, русская философия, русская самобытность, русская ментальность, русская правда, русская воля, русский подвиг* и т.д. и т.п.

Коннотация «исключительности» русских формируется исторически (см. ниже), а понятие «русскость»¹¹ возникает в русской эмигрантской среде; его коннотативный потенциал поддерживает устойчивое выражение «*истинно русский*» (ср. возможное, но редко употребляемое «*истинный россиянин*»). В различных контекстах Национального корпуса русского языка фиксируются как внешние признаки поведения истинно русского человека, например, «наплевательское отношение к жизни, непривязанность к месту (кочевничество, странничество, бродяжничество), безуютность жилья, пристрастие к пьянству» и т.п., так и его глубоко-духовное измерение — «всеохват, душевное переживание и бесконечный путь в отсутствие четко формулируемого результата» [3].

Коннотативные означаемые, в свою очередь, являются своеобразными «фрагментами идеологии» (Р. Барт). Благодаря коннотативным означаемым, принадлежащим денотативной системе, идеологические смыслы объективируются, а язык наделяется особой властью. Связь культурных коннотаций с идеологиями, и как следствие — с дискурсами определенного типа, может выявить вполне определенное, текстуально выраженное содержание самих коннотаций¹². В свою очередь, социокультурные пространства динамичны и полидискурсивны, они постоянно переструктурируются, что приводит к замене доминантных дискурсов, а следовательно, к изменению содержания коннотаций.

Так, сакрализация пространства *Русского мира*, декларируемая в современном политическом дискурсе России, обнаруживает истоки в образе «*Святой Руси*», который был сформирован в русской гимнографии (XIII в.). Канонизация первых русских святых Бориса и Глеба и интерпретация бра-

тоубийства как жертвы позволила соотнести русскую историю с библейской историей. Эта параллель развивается в признании Русской земли священной, а русского народа — избранным. Киевская Русь, а затем и Россия, подобно Святой Земле именуется *Святой Русью* [10:41–42]. Своеобразным развитием образа-мифологемы Святой Руси является мессианская идея «Москва — третий Рим», наделяющая московского царя особой ролью защитника и хранителя православия (XV в.).

Император Петр I секуляризует идею русского царства и утверждает значимость просвещенного абсолютизма. Идея СВЯТОЙ РУСИ тем самым трансформируется в идею ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ и изменяет ценностные приоритеты страны. Имперское величие России утверждается значимостью военных успехов и содержанием русской культуры, возрастающей на идеях просвещения и народничества (XVIII–XIX вв.).

Ценностные приоритеты России XIX в. формируются в разных дискурсах. С одной стороны, это властный дискурс, определивший ценностные приоритеты России в известной формуле «Самодержавие — Православие — Народность» (доминирующая ценность этой триады — самодержавие как форма власти). С другой, — философско-религиозный дискурс, в рамках которого формируется мифологема/ концепт/ символический смысл «*русской идеи*» (Ф. М. Достоевский, В. Соловьев). Словесность, связанная с этим дискурсом, предстает в вариациях славянофильства и западничества, евразийства и иных модификаций основного смысла, а также в произведениях русской литературы. Содержательно «*русская идея*» размыкается в пространство двоящихся смыслов: «*правда–истина*» и «*правда–справедливость*» (П. Флоренский, С. Франк), «*свобода личности*» и «*воля человека*» (А. Герцен, Н. Бердяев), «*коллективизм–община*» и «*соборность*» (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков), «*всемирная отзывчивость*» и культурный «*византизм*» (Ф. М. Достоевский, К. Леонтьев). Все смыслы, которые формируют ценностный план «*русской идеи*», предполагают приоритет православия как духовного содержания жизни «*русских*». *Русская идея*, наконец, утверждается в противопоставлении или сопоставлении с Западом — извечным конкурентом и идеологическим соперником России, отношения с которым определяются обоюдной «негативной комплиментарностью» (Л. Гумилев).

В разное время «*русская идея*» становилась предметом критики (серьезной или иронической)¹³ и предметом идеологических манипуляций. Известная противоречивость русской души, русской идеи и русского отношения к человеку рождает перманентную опасность ценностной подмены, состоящей в манипулятивной подгонке

¹¹ Термин «русскость» принадлежит русскому мыслителю и публицисту И. Ильину.

¹² Такое содержание находим, например, в цитате из повести Василия Гроссмана «Все течет»: «— Вот правильно, — сказал экономист. — *Всё же главное в том, что мы русские люди. Шутка ли: русский человек! Инспектор, улыбаясь, подмигнул своему дорожному приятелю: то, что называется: русский — старший брат, первый среди равных!*» [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989]. Пунктуация этого фрагмента позволяет считать развернутое определение к слову РУССКИЕ не прямой речью персонажа, а смыслом, который понятен собеседникам без слов. Стереотип, эксплицированный в этом фрагменте, связан с советским идеологическим дискурсом, в котором прямо закреплялась роль русского народа как старшего брата других членов интернациональной семьи народов СССР. Этот пример еще раз подтверждает тот факт, что социокультурные коннотации всегда идеологически обусловлены и дискурсивно закреплены.

¹³ Ср. соотношение установок философских работ Н. Бердяева «Русская душа» и «Русская идея», с одной стороны, и произведения В. Ерофеева «Энциклопедия русской души», — с другой.

абстрактных смыслов к реалиям конкретной жизни и языческой материализации слова в конкретных технологиях построения «Русского мира».

ВЫВОДЫ:

1. Слова *Русь* и *Россия*, ставшие словообразовательной базой для слов *русские/россияне*, обладают мощными историко-культурными коннотациями и ассоциациями. Представления об исторических и культурных ценностях в большей мере тяготеют к слову *русский*, а ценности государственного устройства и государственной организации связываются со словом *российский*. Слово *Русь* ассоциировано со смыслами «Русская Земля», «Русь Святая», «русские люди» («богоизбранный» народ, особое культурно-цивилизационное/соборное единство), «русская (православная) вера». Слово *Россия* обнаруживает собственные коннотации и ассоциации — «Великая империя/ держава»; «российское самодержавие», «российская власть», «российские просторы» и т.д. и т.п.

2. Семантическая модель идентификации *русский (человек)/русские (люди)*, предпочтительная в современном употреблении жителей России, отражает их представления о себе как о «соборном», культурно-цивилизационном единстве, но не об этносе. Эти представления актуализируются доминирующим идеологическим дискурсом, поддерживающим идею единства Киевской Руси и различных государственных форм: Московского царства/ Российской империи/ Советского союза/ Российской Федерации.

Идеологема «Русского мира», сопряженная с мифологемой «исторического единства русских

людей (русского народа)», размывает границы «возможного» и «действительного», семиотического и жизненного, идеологически материализует буквализованные значения слов и выражений. Эти языковые и внеязыковые обстоятельства в полной мере согласуются с коннотативными смыслами слов *русский/русские*, варианты которых объединяются вокруг представления об особом пути развития России, о «соборной» природе культурно-цивилизационного единства русского народа, о «русскости» как имманентном свойстве этого единства.

3. Семантическая модель *россияне* в контексте истории слова сопряжена с западно-ориентированными дискурсами государственного становления, будь то имперско-просветительский дискурс XVIII–XIX вв. или же либерально-демократический дискурс конца XX — начала XXI вв. Идеологическая идентификация этого типа отвергается каждый раз, когда актуализируется представление об особом пути развития России, соотношенном с логикой развития западноевропейской цивилизации. В плане государственной идеологии семантическая модель *россиянин/россияне* на несколько столетий «укорачивает» историю России, магически (на уровне слова) порывает ее связь с Киевской Русью и тем самым подрывает идеологическую мотивацию ряда концептов официальной истории России. Идея ГРАЖДАНСТВА, связанная со словом РОССИЯНИН, не обретает устойчивой значимости в литературном узусе русского языка, а следовательно, и в коллективном бессознательном жителей России.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка [гл. ред. С. А. Кузнецов]. — СПб. : Норинт, 1998. — 1536 с.
2. Йоргенсен Марианне В., Филлипс Луиза Дж., Дискурс-анализ. Теория и метод // Марианне В. Йоргенсон, Луиза Дж. Филлипс. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. — 334 с.
3. Национальный корпус русского языка / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. — Загл. с экрана.
4. «Словарь русского языка: в 4 т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. — М. : Русский язык, 1981—1984; Т. 2: К — О. — 1986. — 736 с. Т. 3: П — Р. — 1983. — 750 с.
5. Словарь русского языка XI—XVII вв. : в 25 т. — М. : АН СССР, Институт русского языка. — 1978—2000. Вып. 22 (Р — РАСКИДАТИСЯ — РЯЩЕНКО). — 1997 — 298 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
7. Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» / М. Н. Тихомиров. Русское Летописание. — М. : Наука, 1979. — С. 22—27.
8. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.xprom.com/ruskolan/liter/slovnik.htm> свободный. — Загл. с экрана.
9. Уфимцева Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык, Сознание, Культура. / Сборник статей [под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой]. — М.—Калуга: Эйдос, 2005. — 400 с.
10. Успенский Б. А. Восприятие истории в древней Руси / Б. А. Успенский. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 122 с.